

ТЕКУЩАЯ ПОЛИТИКА США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ КОНСЕНСУСА

© 2017 г.

С.Ю. Шенин*

Статья поступила в редакцию 10.08.2017.

В статье анализируются существующие на данном этапе в Демократической и Республиканской партиях подходы различных групп интересов к американской политике в Центральной Азии, а также изучаются условия в администрации и Конгрессе для формирования двухпартийного консенсуса по данной проблеме.

Ключевые слова: *внешняя политика США в Центральной Азии, Демократическая партия, Республиканская партия, группы интересов, неолибералы, прогрессисты, реалисты, консерваторы, Россия, Китай.*

После прихода в Белый дом Дональда Трампа формирование внешней политики США из-за сопротивления значительной части общества и Конгресса идёт медленно и мучительно. В условиях усиливающейся политической поляризации в США двухпартийные компромиссы во внешней политике достигаются с большим трудом, чем в периоды нахождения у власти двух предыдущих президентов. В такой обстановке формирование региональных политик также тормозится, поскольку они вытекают из глобальных решений. Например, в период президентства Дж. Буша-младшего центральноазиатская политика была следствием "энергетической стратегии", объявленной уже к середине мая 2001 г., т.е. разработанной менее чем за 4 месяца. А у президента Б. Обамы она основывалась на чётко сформулированной позиции по Афганистану.

Однако в администрации Трампа всё по-другому. Здесь пересмотр внешней политики затянулся, и к середине 2017 г. большинство глобальных решений не готовы, в первую очередь, в отношении Китая, России, Афганистана, энергетики, экологии. Соответственно, многие региональные подходы также не определены. Это касается и региона Центральной Азии – здесь политика администрации Трампа ещё очень далека от окончательного оформления.

Правда, как уверял заместитель помощника госсекретаря США Даниэль Розенблюм, ответственный за регион Центральной Азии, при любом раскладе

* ШЕНИН Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Российская Федерация, 410012 Саратов, ул. Астраханская, д. 83 (shenins@yahoo.com).

эта политика сильно измениться не может – в какой-то степени (скорее в большей, чем в меньшей) она должна сохранить преемственность и следовать той стратегии, которая реализуется на протяжении последних 25 лет¹. Надо сказать, что Д. Розенблум работал на этом же посту и в предыдущей администрации (с 2014 г.), поэтому, фактически эту преемственность олицетворяет и охраняет.

Этот долгосрочный политический тренд ориентируется на два фундаментальных "интереса" США в регионе. Первый – это поддержка независимости, суверенитета и территориальной целостности вновь образованных государств; второй – это обеспечение стабильности региона таким образом, чтобы из-за слабости и хрупкости стран Центральной Азии здесь не сложились условия для террористических угроз Америке.

Для обеспечения этих интересов США опираются на три подхода или "столпа". В сфере безопасности – это помощь в создании действенных силовых структур и крепких границ. В экономике – это поддержка процесса проведения внутренних реформ и более эффективного развития отношений с соседями и внешним миром. В области государственного управления – это ориентация на создание более ответственного, прозрачного, эффективного правительства, которое служит своим гражданам, в том числе, в сфере соблюдения прав человека².

Хотя сегодня центральноазиатская политика администрации Трампа ещё не сформулирована, тем не менее, есть основания полагать, что этот процесс обязательно активизируется в ближайшее время³, хотя бы из-за того, что президент предполагает менять американскую политику в отношении Афганистана, считая, что предыдущая администрация поспешила с активным выводом войск. Кроме того, баланс сил на всём евразийском пространстве стремительно меняется, роль многих игроков радикально преобразуется. Регион Центральной Азии исключительно важен для всех аспектов мирового развития – экономики, энергетики, безопасности, логистики и т.д. Поэтому Соеди-

¹ Atlantic Council. Is Something Stirring in Central Asia? 3.04. 2017. Available at: <http://www.atlanticcouncil.org/events/upcoming-events/detail/is-something-stirring-in-central-asia> (accessed 2.07.2017); Brookings Institution. The United States and Central Asia: An enduring vision for partnership and connectivity in the 21st century. 31.03. 2015. Available at: <https://www.brookings.edu/events/the-united-states-and-central-asia-an-enduring-vision-for-partnership-and-connectivity-in-the-21st-century/> (accessed 3.07.2017); Wilson W. China's Huge 'One Belt, One Road' Initiative Is Sweeping Central Asia 21.11.2016. Available at: <http://www.heritage.org/asia/commentary/chinas-huge-one-belt-one-road-initiative-sweeping-central-asia> (accessed 3.07.2017).

² Atlantic Council. Is Something Stirring in Central Asia? 3.04. 2017. Available at: <http://www.atlanticcouncil.org/events/upcoming-events/detail/is-something-stirring-in-central-asia> (accessed 2.07.2017).

³ Пол Стронски, авторитетный эксперт фонда Карнеги, считает, что политика Трампа в отношении Центральной Азии "останется в подвешенном состоянии в лучшем случае до 2018 года". *Stronski P.* Uncertain continuity: Central Asia and the Trump administration. 27.06. 2017. Available at: <http://centralasiaprogram.org/blog/2017/07/26/uncertain-continuity-central-asia-and-the-trump-administration/> (accessed 30.07.2017).

нённые Штаты, если хотят сохранить свою мировую лидирующую роль, обязаны на все эти изменения реагировать.

Соответственно, на текущем этапе внутри американского истеблишмента наблюдается нарастание борьбы за формирование центрально-азиатской политики новой администрации, за изменение баланса между выше приведёнными "столпами" в пользу отдельных групп интересов [Манкофф Дж., 2013: 41–57]. Эта борьба проявляется, например, в новом законопроекте по бюджету помощи, который предполагает резко сократить двухстороннюю помощь практически всем странам региона (исключая Узбекистан)⁴.

Кроме того, в Вашингтоне активизировались теоретические дискуссии, в рамках которых предлагаются разные решения и подходы к политике США в Центральной Азии. Надо сказать, что в американской правящей элите существует целый спектр различных мнений о регионе, его значении и месте в американских планах, и какое из них возобладает в конечном счёте – это пока большой вопрос.

В лагере американских демократов, которые сегодня всё ещё болезненно переживают поражение на выборах осенью 2016 г. и грезят быстрым реваншем, большого внимания Центральной Азии не уделяется. Тем не менее, среди представителей этого крыла политического спектра США в последние годы стабильно существовали две модели, две точки зрения на то, как выстраивать отношения со странами региона. Первая модель возникла и стремительно эволюционировала в Госдепартаменте времён президентства Б. Обамы (её условно можно определить как неолиберальную), а вторая была сформулирована группой политиков и аналитиков, взгляды которых близки прогрессистской идеологии.

"Обамовская" модель центральноазиатской политики, сформированная администрацией в 2009 г., характеризовалась отказом от стратегических приоритетов периода Дж. Буша-младшего, которые, в свою очередь, формулировались под влиянием неоконсервативных установок. Неоконсерваторы, как известно, исходили из того, что Центральная Азия – это "геополитический центр мира", силовой контроль за которым позволял влиять на процессы во всей Евразии. Они подчёркивали первостепенность проблем безопасности, что было связано с высокими ценами на углеводороды, развернувшейся после 11 сентября 2001 г. глобальной "войной против террора" и необходимостью бороться с исламским радикализмом в Афганистане⁵ [Schwenning S., 2001: 27].

Последнее обстоятельство, наряду с геополитическими соображениями, умножало значимость Центральной Азии в глазах администрации Дж. Буша-младшего, поскольку с территории региона осуществлялась военная и экономическая поддержка американских операций в Афганистане.

⁴ Голос Америки. США о Центральной Азии: «Необходимо, чтобы эти страны могли жить в безопасности». 30.08.2016. Available at: <https://www.golos-ameriki.ru/a/cn-us-central-asia/3486324.html> (accessed 4.04.2017).

⁵ Peterson S., 2002. Terror War and Oil Expand US sphere of Influence // The Christian Science Monitor. 19.03. P.1; Tisdall S. Bush comes to shove // Guardian. 28.03.2002. P.24.

В начальный период администрации Б. Обамы политика в отношении Центральной Азии формировалась под воздействием разнонаправленных факторов. С одной стороны, исчезновение геополитических императивов из внешнеполитических концепций администрации, падение цен на углеводороды, начавшаяся в отношениях с Россией "перезагрузка", которая подразумевала перераспределение влияния в регионе в пользу Москвы, – всё вместе это формировало предпосылки для снижения значимости региона для США.

С другой стороны, администрация Б. Обамы планировала радикальное сокращение военного присутствия американских войск в Афганистане, вплоть до полного их вывода, эффект которого, как представлялось, мог быть непредсказуемым и болезненным. Последнее обстоятельство заставляло сохранить Центральную Азию в качестве вспомогательного логистического плацдарма и источника ресурсов для решения главной афганской проблемы.

В результате одновременного действия этих противоречащих друг другу трендов политика Б. Обамы в Центральной Азии стала характеризоваться оппонентами в США как непоследовательная, противоречивая, пассивная, сопровождающаяся общим отступлением, закрытием баз, нежеланием радикально вмешиваться в дела стран региона (например, посредством "цветных революций").

Однако на самом деле всё складывалось не так драматично. Администрация в этот период не отказалась от двухсторонних отношений со странами Центральной Азии, которые в основном фокусировались на поддержке процесса стабилизации в Афганистане, регулировании энергетических потоков, инвестиционных интересах американских кампаний, а также на участии в создании и функционировании Северной распределительной сети (СРС) и развитии проекта "Нового Шёлкового пути" (НШП). В двухсторонних отношениях администрация продолжала активно использовать фактор демократизации и прав человека, что, как настаивали чиновники, очень важно для обеспечения стабильности в центральноазиатских обществах с точки зрения противодействия экстремизму и терроризму.

Тем не менее, на рубеже между первым и вторым президентскими сроками Б. Обамы ситуация стала меняться. Это было связано с ухудшением положения в Афганистане и на Ближнем Востоке в целом, где наблюдалась дестабилизация из-за резкого роста влияния экстремизма и террористических группировок. Кроме того, закончилась "перезагрузка" с Россией, что было связано, по мнению администрации, с активизацией её "имперских настроений". Китай, со своей стороны, продолжал процесс постепенного вовлечения Центральной Азии в свои стратегические планы.

В таких условиях внутри демократического истеблишмента возобладало мнение тех, кто считал, что значение региона сильно недооценено. Всё громче раздавались голоса с требованием "вернуть Флэшмена", не дистанцироваться

* В 1997 г. заместитель госсекретаря С. Тэлбот, объявляя о новой политике США в Центральной Азии, претенциозно назвал свою речь "Прощание с Флэшменом" (Флэшмен – политик викторианской эпохи, обосновавший необходимость для Британии активного участия в "большой игре").

от Центральной Азии из-за того, что завершается период присутствия США в Афганистане, активнее использовать потенциал региона, усиливать там влияние США, несмотря на то что условия для этого стали намного хуже, чем были в 2010 году⁶.

В результате в 2014 г. Госдепартамент под руководством госсекретаря Дж. Керри начал разрабатывать, а в начале 2015 г. в лице заместителя госсекретаря Э. Блинкена публично представил план "глубокой модернизации" стратегии отношений с Центральной Азией, целью которой была попытка снова стать влиятельным игроком в регионе. При этом подразумевалось, что необходимо не просто сохранить американское присутствие, а восстановить контроль над регионом, сформировать условия, затрудняющие усиление здесь соседних держав, обеспечить "стратегическое партнёрство" с республиками. Таким образом, был нужен новый подход, который перенес бы основной акцент с поддержки странами Центральной Азии американской политики в Афганистане на самоценную роль региона в более широком (евразийском и глобальном) контексте.

Основным аргументом для смены политики стало мнение, что страны Центральной Азии, опасаясь усиления давления соседних держав, сами ищут американского участия в региональных процессах в качестве "третьей силы". Кроме того, местные руководители с большой тревогой относятся к росту радикализма в Афганистане, особенно в контексте ослабления американского присутствия, и поэтому хотят такой политики США, которая учла бы их обеспокоенность.

Стратегической целью новой политики объявлялось продолжение процесса интеграции стран Центральной Азии в процессы глобализации, их общая "вестернизация". Несмотря на то что этот процесс Соединённые Штаты стимулировали на протяжении более 20 лет, прогресс здесь наблюдался небольшой. Кроме того, подчёркивалось, что долгосрочные отношения США и стран Центральной Азии важны для Вашингтона не только и не столько в афганском контексте, сколько по ряду других важнейших причин. Соответственно, "вывод войск не означает снижение значимости Центральной Азии для Америки"⁷, как утверждали многие оппоненты.

Так, в первую очередь, регион важен для США с точки зрения взаимной безопасности, ибо отсюда исходят такие прямые угрозы Западу, как экстре-

⁶ Brookings Institution. The United States and Central Asia: An enduring vision for partnership and connectivity in the 21st century. 31.03. 2015. Available at: <https://www.brookings.edu/events/the-united-states-and-central-asia-an-enduring-vision-for-partnership-and-connectivity-in-the-21st-century/> (accessed 3.07.2017); *Kauzlarich R.* The human costs of 'strategic partnerships' with South Caucasian states. 12.08. 2015 Available at: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2015/08/12/the-human-costs-of-strategic-partnerships-with-south-caucasian-states/> (accessed 1.07.2017); *Starr F.S., Bulat Sultanov, S. Enders Wimbush, Fatima Kukeyeva, Svante E. Cornell, Askar Nursha.* Looking Forward: Kazakhstan and the United States. Silk Road Paper. 1.09.2014. Washington, 2014 (accessed 8.07.2017).

⁷ Brookings Institution. The United States and Central Asia: An enduring vision for partnership and connectivity in the 21st century. 31.03. 2015. Available at: <https://www.brookings.edu/events/the-united-states-and-central-asia-an-enduring-vision-for-partnership-and-connectivity-in-the-21st-century/> (accessed 3.07.2017).

мизм, терроризм, наркотрафик. Эти угрозы находят здесь хорошо удобренную почву (бедность, социальные проблемы, религиозный экстремизм, этнические противоречия, межгосударственное напряжение) и расползаются по всему миру. Функционирование Северной распределительной сети и успех переходного периода в Афганистане после вывода американских войск также во многом зависит от возможности поддержки этих процессов со стороны стабильных и процветающих стран Центральной Азии.

В этом контексте очень важным представлялось экономическое развитие стран Центральной Азии, обеспечение роста уровня жизни населения. Эксперты администрации указывали, что на данный момент интеграция стран Центральной Азии в глобальные экономические структуры весьма незначительна (намного слабее других проблемных регионов), правила ведения торговли и бизнеса далеки от западных стандартов, здесь плохой инвестиционный климат, высочайшая коррупция, слабо развита рыночная инфраструктура, а также торговля, как внутренняя, так и региональная. Все это серьёзно сдерживает американские и западные инвестиции.

Для ускорения решения указанных проблем администрация Обамы планировала активизировать использование в регионе как многосторонней, так и двухсторонней помощи США.

Одним из важнейших шагов в этом направлении стала очередная попытка администрации стимулировать региональную интеграцию, которая находится в Центральной Азии в зачаточном состоянии – только 6% внешней торговли приходится на сам регион. Для решения задачи госсекретарь Дж. Керри инициировал создание формата "*C5+1*" (пять стран Центральной Азии плюс США), в рамках которого предполагалось направлять американскую помощь и другие ресурсы на организацию общих многосторонних проектов для развития региона как единого целого. Правда, на практике быстрой реализации этого формата ждать не приходилось, поскольку на региональные проекты, охватывающие такие сферы, как противодействие терроризму, внутренняя торговля и взаимные инвестиции, чистая энергетика и т.п., Вашингтоном была выделена крошечная сумма в размере 15 млн долларов.

Предлагая многосторонний региональный формат, его сторонники в США утверждали, что условия для этого созрели, что в Центральной Азии усиливаются центристские тенденции, правительства научились разговаривать друг с другом, а центральноазиатские лидеры даже сами собирались на импровизированный саммит без помощи США (во время Генассамблеи ООН в сентябре 2016 г.), что официальный Вашингтон всячески приветствовал. Также подчёркивалось, что Казахстан и Узбекистан готовы к лидерству, этническая напряжённость снижается, региональная торговля стремительно нарастает и т.д. США обязаны использовать такую благоприятную ситуацию, поскольку могут не просто поддержать, но активизировать эти процессы.

В то же время, проект региональной интеграции представлялся администрации только шагом в направлении вовлечения региона в более масштабный проект НШП (был объявлен в 2011 г.), который должен был направить ресурсы Центральной Азии, особенно энергетические и сырьевые, в сторону таких южных гигантов, как Индия и Пакистан, где явно ощущается дефицит

газа и электричества. При этом Афганистан также вовлекался в этот гигантский коммерческий поток и получал возможность стать его участником и бенефициаром. Стратеги администрации отмечали, что начало здесь уже было положено, особенно в отношении создания энергетического рынка, в рамках которого с помощью США была построена сеть *CASA-1000* (*Central Asia – South Asia*), передающая электричество из Таджикистана и Киргизии в Афганистан и Пакистан, где 80 млн человек не имеют доступа к электроэнергии.

Хотя указывалось, что многосторонний подход очень перспективен с точки зрения американских интересов, для его реализации требовалась огромная работа, особенно в отношении создания "мягкой" инфраструктуры – законов, правил, межправительственных соглашений. Эта часть рассматривалась как самая сложная составляющая проекта, учитывая сохраняющиеся (часто непримиримые) разногласия стран Центральной Азии по многим насущным проблемам.

Что касается двухсторонней помощи, то её инфраструктура уже сформировалась и успешно работала на протяжении почти 25 лет. За это время страны Центральной Азии получили 6,8 млрд долл., и администрация Обамы была готова её наращивать. Важнейшей целью этого вида помощи была экономическая диверсификация, в первую очередь, уход от углеводородной специализации в сторону, например, развития сельского хозяйства, в частности, садоводства. В 2016 г., в соответствии с этим курсом, помощь была увеличена администрацией на 140 млн долл., т.е. на 30%, причём самую заметную прибавку получили беднейшие страны – Киргизия, Таджикистан и Туркменистан. Здесь помощь фокусировалась на проблемах преодоления безработицы, в первую очередь, в сельском хозяйстве, а также на повышении эффективности государственного управления, что должно было, по замыслу американских дипломатов, способствовать укреплению внутренней стабильности этих государств⁸.

Кроме того, двухсторонняя помощь должна была сопровождаться привязкой к процессу распространения западных ценностей, которые делают общества крепче, цементируют отношения между институтами и уже доказали свою эффективность во многих странах – от Латинской Америки до Юго-Восточной Азии. Правда, указывалось, что движение вперёд на этом направлении в Центральной Азии приостановилось, однако без соблюдения прав человека, формирования гражданского общества, свободы вероисповедания, справедливой судебной системы, политического плюрализма людям будет трудно вырваться из закрытой традиционной системы и сопротивляться процессу вовлечения в экстремистскую деятельность.

Тем не менее, несмотря на важность западных ценностей, реакция на их слишком настойчивое распространение в странах Центральной Азии в предыдущий период представлялась экспертам администрации достаточно негативной. Поэтому главный акцент при определении целей помощи был все же перенесён на обеспечение локальной и глобальной безопасности, дополняться

⁸ U.S. Comprehensive Strategy Toward Russia. 9.12.2015. Available at: <http://www.heritage.org/europe/report/us-comprehensive-strategy-toward-russia> (accessed 8.06.2017).

которая должна была ростом уровня жизни, а политические реформы (по линии демократизации и прав человека) оставались на третьем месте.

Как отмечалось, в понятие безопасности администрация Обамы включала укрепление суверенитета, независимость стран Центральной Азии от соседних держав, в первую очередь, России, которая, по мнению Э. Блинкена, своими "имперскими замашками", в том числе создавая такие структуры, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), а также прямыми "угрозами" (здесь американские эксперты указывали на трактовку В. Путиным истории Казахстана) "сеет страх" в столицах Центральной Азии. Культивируемая США экономическая диверсификация и многовекторная внешняя политика должны были в серьёзной степени повысить "иммунитет" в отношении северного соседа.

В то же время, по мнению администрации, экономическая активность Китая носит здесь позитивный характер, поэтому надо искать возможность эффективно координировать американские и китайские планы развития региона. Конечно, финансовые ресурсы этих двух игроков сравнивать нельзя, но США могут сделать свой вклад в сотрудничество с Китаем в виде ценностей и стандартов ведения бизнеса, качества планирования и реализации проектов, сохранения окружающей среды и т.п. Иран рассматривался администрацией в качестве "ворот" для стран региона как в Азию, так и в Европу, что могло облегчить диверсификацию их коммерческих связей с внешним миром.

Таким образом, разработанный в 2014–2015 гг. новый план администрации Обамы переносил основной акцент со вспомогательных функций Центральной Азии в процессе стабилизации Афганистана на его "самоценность", на развитие и стабильность республик за счёт активизации американской помощи как по двустороннему, так и многостороннему направлениям. Всё это должно было укрепить "стратегическое партнёрство" США и республик, повысить их независимость и суверенитет, возможность сопротивляться внешнему давлению соседних держав, особенно России. Взаимоотношения с Китаем и Ираном рассматривались в более позитивном контексте.

Однако противники из прогрессистского крыла Демократической партии активно критиковали госдеповскую модель политики США в Центральной Азии⁹, считая, что в отношениях со странами региона не стоит ориентироваться на "стратегическое партнёрство", не надо демонстрировать открыто свой интерес к республикам, ибо местные элиты спекулируют на этом, требуют у Запада деньги, уступки, невмешательства во внутренние порядки, которые часто выглядят как диктатура или даже тирания. Кроме того, ненужность "стратегического партнёрства", по крайней мере на ближайшее будущее, объясняется падением цен на углеводороды, которые явно останутся на низком уровне в ближайшие годы. Поэтому, ни с экономической, ни с геополитической точек зрения страны Центральной Азии не будут очень важны для Запада. Соответственно, нет смысла покупать их лояльность в таких вопросах, как

⁹ *Rumer E., Sokolsky R., Stronski P. U.S. Policy Toward Central Asia 3.0. 25.01. 2016. Carnegie Endowment for International Peace Available at: http://carnegieendowment.org/files/CP_259_Central_Asia_Final.pdf (accessed 4.07.2017).*

строительство обходных трубопроводов, сближение с Россией или Китаем, как это было ранее. Регион превращается в обузу, ради которой не стоит идти на большие жертвы.

Опасаться абсолютного доминирования здесь РФ или КНР пока рано – обе державы сейчас расширяются в противоположные стороны – Россия на запад и Китай на восток. Центральная Азия не находится в центре их внимания, хотя общий разворот региона в сторону Азии уже обозначен, и попытки США начать здесь действовать активно заставят Москву и Пекин объединиться, чтобы воспрепятствовать играм Вашингтона. Исламскую угрозу РФ и КНР смогут снять совместными усилиями в рамках ШОС. Если Россия начнёт территориальную экспансию в регионе, то её, скорее, остановят не США, а Китай.

Готовность стран Центральной Азии к региональной интеграции, по мнению оппонентов администрации, также явно переоценивалась – они очень разные, у них мало общих интересов, они пока разобщены и не научились находить компромиссы. В целом в регионе преобладает фрагментация над интеграцией.

Ошибаются сторонники подхода Дж. Керри и в отношении желания стран Центральной Азии видеть США в качестве активного участника новой игры. Им нужна американская финансовая помощь и возможность маневрировать между державами, но, в конечном счёте негативное восприятие американской роли у них сохраняется: "Центральная Азия останется недружественной по отношению к проекции американской силы, усилиям в сфере государственного строительства, а также процветанию демократии и американских ценностей"¹⁰.

Как бы то ни было, эксперты прогрессистского крыла указывали, что США действительно много сделали в регионе за прошедшие 25 лет, они, фактически, выполнили свои обязательства по обеспечению независимости и суверенитета стран Центральной Азии и на данный момент больше таковых не имеют. Ситуация радикально изменилась, поэтому необходимо пересмотреть свои задачи в Центральной Азии, привести их в соответствие с новой ситуацией, возможностями и интересами.

В целом, сторонники прогрессистского курса были согласны, что интеграцию региона в глобальные процессы необходимо продолжить. Поэтому США не должны уходить из Центральной Азии, им надо сохранить и присутствие, и влияние. Однако круг конкретных интересов Вашингтона здесь значительно сузился. Причин тому несколько. Так, вывод войск из Афганистана уменьшил интерес к региону как транзитной площадке СРС. Не подтвердилось количество углеводородов в Центральной Азии, и цена на них упала. Удалённое географическое положение, культурное своеобразие, неподатливость либерально-демократическим реформам, плохой инвестиционный климат – всё это также способствовало падению интереса Запада.

Тем не менее, у США остались важные задачи, которые надо решать в Центральной Азии. Это угроза распространения ОМУ, радикальный исламизм и терроризм, опасность превращения государств региона в "несостоявшиеся",

¹⁰ Ibidem.

а кроме того, важным представляется экономическое сотрудничество в сфере энергетики (например, строительство газопровода ТАПИ: Таджикистан – Азербайджан – Пакистан – Индия в рамках проекта "Нового Шёлкового пути" в направлении Южной Азии) и региональная интеграция как составная часть НШП.

Однако США не хотят финансировать ни НШП вообще, ни конкретно ТАПИ, у проекта много недоброжелателей, и вряд ли он будет реализован. Новые возможности для обеспечения энергией Южной Азии могут открыться в связи с заключением "сделки" группы *P5+1* с Ираном, но в этом вопросе ситуация пока непредсказуема.

В регионе сейчас активно действуют Россия и Китай, которые имеют здесь серьёзные интересы. США не могут с ними конкурировать по причинам географической удаленности и недостатка финансовых ресурсов. Тем не менее, Соединённые Штаты могут и должны сохранить присутствие в качестве удалённой "третьей силы", выравнивающей огромное влияние соседних держав в регионе, т.е. действовать так же, как действовали РФ и КНР после терактов 11 сентября 2001 г. в США. Таким образом, сохранив влияние, США могут переложить бремя ответственности за безопасность в Центральной Азии на другие державы.

Исходя из сказанного, Вашингтон должен признать интересы Пекина и Москвы и действовать с ними сообща, ибо это регион, скорее, не конкурирующих, а общих интересов, которые во многом совпадают с американскими, т.е. надо использовать потенциал партнёров для решения своих задач. Соответственно, Вашингтон может поддерживать утрачивающую влияние в регионе Россию, особенно, в сфере обеспечения безопасности¹¹, а с Китаем необходимо сотрудничать в рамках его проекта Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП) по созданию транспортной инфраструктуры, что станет альтернативой бесперспективному американскому НШП. Действуя таким образом, США могли бы способствовать более глубокой диверсификации и интеграции стран Центральной Азии в глобальные процессы, что, в свою очередь, сделает их ещё более независимыми от соседних держав. Чтобы не испортить этой выгодной позиции, США должны избегать военного присутствия и вмешательства в местные конфликты.

Чтобы сыграть эту роль при очень ограниченных ресурсах, необходимо чётко рассчитать свои возможности и действия. Многосторонний "мягкий регионализм", который предлагается администрацией в форме *"C5+1"* слишком расточителен, он распыляет ресурсы. В целом сторонники прогрессистского подхода не отрицают наличия центристских сил в регионе, но указывают, что рост взаимного доверия идёт медленно, и говорить пока о региональной интеграции рано, нужно подождать.

Соответственно, на данном этапе можно добиваться только решения проблемы активизации двухсторонних форм внутрирегиональной торговли (вклю-

¹¹ Кучера Дж. США планируют резко сократить финпомощь странам Центральной Азии и Кавказа. 30.05.2017. Available at: <http://russian.eurasianet.org/052917> (accessed 3.07.2017).

чая транспортную инфраструктуру), ибо на неё, как отмечалось, пока приходится ничтожная часть внешнеторгового оборота республик. При этом фокусировать свои усилия США должны только на двухсторонних отношениях с двумя самыми большими и влиятельными странами региона – Казахстаном и Узбекистаном. Сохранение их в орбите своего влияния позволит, не распыляя ресурсы, наращивать потенциал участия США в новой "большой игре" (тем самым, по сути, предлагается новая формула "*C1+2-3*" (т.е. США плюс Казахстан и Узбекистан, минус Киргизия, Таджикистан, Туркменистан. – *С.Ш.*).

Предоставляя помощь странам Центральной Азии, США должны акцентировать внимание не на соблюдении прав человека и демократизации (это важно, но неосуществимо на данном этапе, в условиях внешних и внутренних угроз безопасности), а на качестве жизни. Важно развивать медицину, образование, судебную систему, экономическую прозрачность, экологию и т.п. Это даст лучший результат, чем попытки охватить помощью максимум направлений, и в конечном счёте создаст условия для больших позитивных изменений.

Таким образом, хотя представители прогрессистского крыла Демократической партии не считают нужным добиваться "стратегического партнёрства" со странами Центральной Азии, они согласны, что необходимо сохранить присутствие и влияние США в регионе. Разработанная ими система приоритетов внешне похожа на представленную администрацией Обамы (безопасность, рост уровня жизни и улучшение госуправления), однако при решении предложенных задач они предлагают исходить из более прагматичных посылок, поскольку инструментальные проекты "*C5+1*" и НШП скорее всего осуществить не удастся. Центральная Азия будет во всё большей степени уходить под влияние Китая, чему способствует постепенное отступление России из региона. Тем не менее, причин для беспокойства у Вашингтона не должно быть, ибо Центральная Азия имеет небольшое для США значение, а возможность влиять на ситуацию в регионе через систему "противовесов" у Америки останется ещё долгое время.

В **Республиканской партии** Центральную Азию рассматривают как достаточно важный регион, хотя и находящийся в настоящий момент на периферии внешнеполитического внимания. Здесь также преобладают два подхода к центральноазиатской политике.

Первой точки зрения придерживаются "осторожные" реалисты (к этому направлению условно можно причислить и самого Д. Трампа, по крайней мере, в его "электоральном варианте"), которые "стоят на страже" интересов тех корпораций, которые участвуют или претендуют на участие в разработке углеводородных и сырьевых богатств Центральной Азии. Реалисты полагают, что условия для экспансии капитала в регион на данный момент ухудшаются. Страны Центральной Азии, живущие почти исключительно за счёт добычи углеводородов, страдают от падения цен и спроса, в результате уменьшаются инвестиции в их экономики, себестоимость производства нефти повышается. Политическая стабильность этих государств также снижается, а близость турбулентного Ближнего Востока в таких условиях делает их будущее практически непредсказуемым.

Соответственно, растут риски для западных, в том числе американских корпораций, которые интегрированы в экономику региона. Корпорации в современных условиях ощущают большее давление со стороны стран-реципиентов, которые стремятся пересмотреть соглашения о разделе продукции в свою пользу, пытаются расширить влияние своих государственных компаний. Естественно, что на повестку дня выходит вопрос о пересмотре национальных стратегий развития и уменьшения их зависимости от нефтяных доходов.

США, защищая свои интересы, также должны изменить региональную стратегию, чтобы приспособиться к новым условиям. Аналитики реалистского направления особо подчёркивают то, что нельзя вырывать роль Центральной Азии из контекста всего евразийского развития и пытаться создавать там отдельный "мирок", ибо этот регион – составная часть всей Евразии, на пространстве которой сегодня кипят бурные интеграционные процессы. Кроме того, необходимо исходить из смены американских приоритетов, что связано с трансформацией характера миссии в Афганистане, т.е. максимального сокращения подразделений. Наконец, надо принимать во внимание и невозможность инвестирования значительных средств в регион Центральной Азии, в том числе и в форме помощи¹².

С учётом перечисленных факторов США должны поставить себе цель не просто остаться, сохранить наработанные позиции и возможности (особенно для американского бизнеса), но и усилить свою роль, не позволить странам Центральной Азии попасть под контроль других держав, в первую очередь, Китая и России. При этом, соглашаются реалисты с администрацией Обамы, сами государства региона не против присутствия или даже усиления здесь влияния американского правительства, поскольку США, как известно, уже давно не претендуют на доминирование в Центральной Азии, не несут серьёзных угроз местным элитам, но могут выполнять позитивную роль противовеса влиянию России и Китая.

Чтобы добиться поставленной цели, реалисты согласны перейти от концепции безопасности, нацеленной на борьбу с терроризмом в Афганистане, под прикрытием которой западные корпорации осваивали регион в 2000-е годы, к стратегии экономического роста и социальной стабильности. С учётом того, что углеводороды уже не могут быть источником процветания, необходимо думать о диверсификации экономик, ядром которой должен стать другой естественный плюс региона – *развитие торговли и транзитных путей* через Центральную Азию, с помощью чего можно добиться более глубокой интеграции в мировую экономику. Это сделает страны региона более независимыми экономически, поддержит суверенитет, повысит способность сопротивляться давлению соседних держав, а также создаст возможности помочь Афганистану – уже сейчас в рамках НШП начинают работать в интересах Кабула такие

¹² Kuchins A., Mankoff J. Central Asia in a Reconnecting Eurasia. U.S. Policy Interests and Recommendations. 11.05. 2015. Available at: <https://www.csis.org/analysis/central-asia-reconnecting-eurasia> (accessed 8.07.2017); Ларуэль М. Отношения США и России в Центральной Азии: изменения изнутри. 28.10.2016. Available at: <http://caa-network.org/archives/7805> (accessed 22.07.2017).

центральноазиатские проекты, как *CASA-1000*, *TUTAP* (*Turkmenistan – Uzbekistan – Tajikistan – Afghanistan – Pakistan*) и т.д.

Однако стратегия развития торговли и транзита достаточно дорого стоит. Реалисты указывают, что страны Центральной Азии справедливо относятся с большим скепсисом к американскому НПП, полагая, что в рамках этой программы могут состояться лишь отдельные проекты, а например, такой, как ТАПИ, наверняка не будет реализован. Соответственно, авторы стратегии считают выгодным для США подключиться к китайской версии Шёлкового пути – стратегической программе ЭППП.

Слабость финансовой базы не позволяет США активно участвовать в строительстве транспортной "твёрдой" инфраструктуры, которой занимается китайская сторона. Однако у Америки есть другое "сравнительное преимущество", которое может заинтересовать Китай – способность создавать "мягкую" инфраструктуру, отсутствие которой сильно затрудняет торговлю в Евразии. Под "мягкой" инфраструктурой понимаются технологии, менеджмент, юридическое оформление условий торговли, положения, договоры, стандарты, ценности, работа таможен, снижение пограничных барьеров, прозрачность и эффективность деятельности правительств, борьба с бюрократизмом, коррупцией и т.д. На основе такого "разделения труда" можно договориться с Пекином об участии США в создании ЭППП.

Если Москва не будет сопротивляться большей вовлечённости США в дела Центральной Азии, то новая роль Америки в регионе активизирует взаимоотношения с Россией, поможет отвлечь Москву от конфликта с Западом на Украине, повысит уровень сотрудничества¹³.

Хотя стратеги-реалисты также указывают на желательность развития внутрирегиональной интеграции, тем не менее, эта проблема находится явно на периферии их внимания. Про демократию и права человека в Центральной Азии они в данном контексте предпочитают не упоминать вовсе, поскольку исходят из очевидно прагматических соображений.

Что касается непосредственно западных корпораций, над которыми возникла угроза выдавливания из региона, то им рекомендовано спастись за счёт большего внимания экспорту природного газа и использовать газовый потенциал для ведения переговоров с местными властями.

Большое внимание реалисты уделяют партнёрам в ЕС, советуя вырабатывать с ними единые подходы и стратегии. Поддерживая, по сути, решение Европейской комиссии о более активном использовании экологически чистого природного газа, они с настороженностью смотрят на возможность наращивания его поставок в Старый Свет со стороны Газпрома через "Северный поток-2". В этом контексте предлагается больше внимания сосредоточить на каспийском газе (туркменском, иранском) и путях его доставки в Европу (например,

13 Kuchins A., Mankoff J. Central Asia in a Reconnecting Eurasia. U.S. Policy Interests and Recommendations. 11.05. 2015. Available at: <https://www.csis.org/analysis/central-asia-reconnecting-eurasia> (accessed 8.07.2017).

с помощью транскаспийского трубопровода), в чём также может оказать содействие американская администрация.

Вторую точку зрения в Республиканской партии представляют жёсткие консервативные реалисты¹⁴. По их мнению, Центральная Азия не представляет для США одну из ключевых точек внешней политики (как это было во времена Дж. Буша-мл.). Интерес к региону падает из-за вывода американских войск из Афганистана. Однако совсем оставить Центральную Азию без внимания нельзя, хотя и возможностей для проведения там активной политики недостаточно.

Интересы консерваторов в регионе заключаются в следующем. Во-первых, это уникальное место с геополитической точки зрения: Центральную Азию окружают Россия, Иран, Китай, Афганистан. Через регион проходят основные коммуникации между Европой и Азией, которые на протяжении столетий оказывали прямое влияние на безопасность континента в целом. Отказ Соединённых Штатов от активной политики подтолкнёт окружающие страны к использованию своих "асимметричных преимуществ", в первую очередь, их географическую близость.

Во-вторых, наличие природных ресурсов: американскими корпорациями уже вложены миллиарды в страны Центральной Азии (например, в Казахстан), и хотя сейчас цены низкие и особых экономических выгод для американских корпораций здесь нет, ресурсный фактор должен сработать в будущем. Но самое важное это то, что состояние региона влияет на европейскую безопасность, в первую очередь, энергетическую, а значит на общее экономическое состояние союзников США по НАТО.

Соответственно, главной текущей задачей Вашингтона в регионе должна стать ориентация на использование местных минеральных и энергетических ресурсов для снабжения Европы. Последняя в одиночку эту задачу не решит, поскольку ей противостоят такие конкуренты, как Китай и Россия, которых в этом регионе многое не только разделяет, но и объединяет. Обе страны стремятся взять центральноазиатские государства под свой контроль. Европа не в состоянии конкурировать с Москвой и Пекином, она обладает здесь слабым влиянием и не демонстрирует намерений усилить его.

Учитывая вышесказанное, США должны проводить в Центральной Азии мягкую, сдержанную неконфликтную политику. Поскольку для стран региона характерны общие слабости, необходимо помогать им двигаться равномерно в четырёх направлениях сразу – безопасность, экономическое сотрудничество, энергетика и эффективное государственное управление (по аналогии с "че-

14 Atlantic Council. Central Asia: U.S. Foreign Policy at a Great Power Crossroads. 18.07. 2017. Available at: <http://www.atlanticcouncil.org/events/webcasts/central-asia-us-foreign-policy-at-a-great-power-crossroads> (accessed 8.07.2017); *Carafano J., Bromund T., Cheng D., Coffey L., Curtis L., Dale H., Dodge M., Quintana A., Inserra D., Klingner B., Kochis D., Olson R., Phillips J., Riley B., Slattery B. and Wilson W.* U.S. Comprehensive Strategy Toward Russia. 9.12.2015. Available at: <http://www.heritage.org/europe/report/us-comprehensive-strategy-toward-russia> (accessed 6.07.2017); Coffey L., 2015. A Secure and Stable Caspian Sea Is in America's Interest. December 4. Available at: <http://www.heritage.org/europe/report/secure-and-stable-caspian-sea-americas-interest> (accessed 4.07.2017).

тырмья ножками стула", которые обязательно должны быть одинаковой длины, иначе не будет устойчива вся конструкция). Решить все эти проблемы США полностью не могут, однако на данном этапе очень важно не дать им усугубиться, деградировать, превратить страны в окончательно закрытые диктатуры, подверженные давлению извне (со стороны соседей) и изнутри (со стороны экстремистов).

Поэтому, стратеги-консерваторы считают, что необходимо помочь странам Центральной Азии укрепить вооружённые силы, границы, таможни, а также повысить эффективность госуправления через развитие гражданского общества и экономической свободы, делая основной акцент на правоохранительной и судебной системах, на ослаблении давления государства на бизнес. Поскольку предыдущие администрации несколько перестарались с продвижением прав человека и демократизации, эти факторы должны быть сбалансированы со стратегическими интересами США, т.е. должны стать только одним из сегментов многомерных американских стратегических планов в регионе.

С внешними силами дело обстоит сложнее – их напор очень трудно сдерживать. В первую очередь, это касается стремления закрепиться в этих странах Москвы, у которой здесь слишком много "сравнительных преимуществ". Решением в этом случае может стать повышение уровня международной конкуренции, т.е. надо привлечь в регион больше игроков (кроме России и Китая втянуть, как минимум, Индию, Европу). Это не гарантирует требуемого результата, но отчасти новые игроки могли бы уравновесить влияние наиболее агрессивных соседей.

Поднять "иммунитет" стран Центральной Азии к внешнему давлению предлагается не только с помощью укрепления национального суверенитета и экономики, но и углубления региональной интеграции. Инициатива Дж. Керри "C5+1" воспринимается консерваторами больше в политическом контексте – как шаг в правильном направлении ("интегрировать, чтобы контролировать"), и это движение надо продолжить. При этом подчёркивается, что функциональность формата обязательно необходимо укреплять постоянными визитами высших американских чиновников.

Наполнением "C5+1", его экономическим "цементом" должен стать проект НШП, который нацелен на "продвижение региональной экономической интеграции, торговую либерализацию и увеличение торговых потоков, что может успокоить вражду внутри региона и позволить центральноазиатским странам мобилизовать значительные местные ресурсы"¹⁵.

В этом контексте особую поддержку США должны, несмотря на многочисленную критику, оказать проекту ТАПИ и транскаспийскому маршруту как важнейшим частям региональной диверсификационной программы. С долгосрочной точки зрения, такое развитие трубопроводной системы расширяет экономическую свободу, разрушает привязки к российскому или китайскому

¹⁵ Carafano J., Bromund T., Cheng D., Coffey L., Curtis L., Dale H., Dodge M., Quintana A., Inserra D., Klingner B., Kochis D., Olson R., Phillips J., Riley B., Slattery B. and Wilson W. U.S. Comprehensive Strategy Toward Russia. 9.12.2015. Available at: <http://www.heritage.org/europe/report/us-comprehensive-strategy-toward-russia> (accessed 6.07.2017).

энергетическим рынкам. Правда, проект НШП не подкреплён финансово и пока выглядит только как обязательство не бросить регион после вывода войск из Афганистана. Однако выдумывать какую-то новую стратегию уже невозможно, поэтому, что обещано – надо доводить до конца.

В целом, по мнению консервативных экспертов, эта конструкция из двух соединённых "половинок ореха" – политической ("*C5+1*") и экономической (НШП) – может сложить незначительные усилия США в конечном очень заметное влияние, что создаст предпосылки для возможности странам Центральной Азии дистанцироваться от международных организаций, в которых доминирует Москва или Пекин. ЕАЭС, ШОС и ОДКБ, как считают консерваторы – ретроградные структуры, которые служат исключительно интересам РФ и КНР.

Чтобы снизить военную уязвимость союзников в регионе, следует расширять их военные возможности на основе двухсторонних отношений с США и, когда надо, на основе многосторонних контактов – через НАТО. В некоторых случаях, например, с Туркменией, налаживать военные связи следует в скрытой форме.

Наконец, указывается и на то, что США следует работать со странами Центральной Азии для недопущения использования региона в качестве транзитной зоны или места для вербовки исламских экстремистов. Для этого надо строить современный сектор безопасности и совершенствовать пути обмена разведывательной информацией между США и странами Центральной Азии.

Как мы можем заметить, этот консервативный подход не имеет ясной конечной цели для политики США в регионе – он в большей степени ориентирован на "сдерживание" российской и китайской активности и необходимость гарантировано "застолбить" свое место на центральноазиатском пространстве. Серьёзную реализацию подхода можно будет начать, только если появятся новые вызовы в Афганистане (а они, видимо, появятся в связи с планами Д. Трампа активизировать военную поддержку правительства президента А. Гани).

Таким образом, внутри американской политической элиты можно выделить четыре центральноазиатские программы, которые предлагаются разными группами интересов (неолиберальной, прогрессистской, реалистской и консервативной). Каждая из них имеет много индивидуальных черт, однако у них немало и общих компонентов, которые могут стать основой для достижения консенсуса.

Если чисто механически суммировать точки зрения всех четырёх самых влиятельных групп интересов и вывести некое "среднеарифметическую" модель, то программа действий США в Центральной Азии могла бы выглядеть следующим образом.

1. Присутствие США в Центральной Азии надо сохранить, а стратегической целью считать интеграцию региона в процессы глобализации. Однако в среднесрочной перспективе следует ориентироваться на более прагматичные интересы безопасности и социально-экономической стабильности, учитывая сложившийся неблагоприятный для США баланс сил в Евразии и ограниченность американских финансовых возможностей.

2. Следует исключить Центральную Азию из контекста афганских задач США и сместить основной акцент на развитие всего региона, поскольку он сам по себе важен для американских национальных интересов (особенно в сферах безопасности и местных природных ресурсов).

3. В достижении своих целей США должны опираться на сотрудничество с соседними державами, искать общие интересы и избегать конфронтации (однозначно с Китаем и, при возможности, с РФ).

4. Общий курс в отношении отдельных стран Центральной Азии должен быть направлен на укрепление их независимости, суверенитета, качества жизни и социальной стабильности, а, значит, способности сопротивляться внутреннему и внешнему давлению. Для решения этих задач надо использовать методы двухсторонней и многосторонней помощи.

5. США должны продолжить предоставление двухсторонней помощи (хотя и сократив её немного) для осуществления реформ в экономической и политической сферах. В экономике необходимо активизировать диверсификацию не только в области продажи энергии, но и в сфере развития транспортного транзита, торговли, сельского хозяйства. Политические реформы, нацеленные на улучшение инвестиционного климата, должны быть направлены на рост эффективности государственного управления, а требования соблюдения прав человека и демократизации, хотя и сохраняются, но перестают быть приоритетными.

6. Необходимо поддержать процесс регионального сближения стран Центральной Азии через активизацию внутренней межгосударственной торговли за счёт двухсторонней американской помощи (а не в многостороннем формате типа "C5+1").

7. Интеграцию региона в более широком контексте надо осуществлять не в рамках проекта НШП, предусматривающего перетекание ресурсов в направлении Север – Юг (на него Конгресс явно не даст денег), а участвуя в более перспективном китайском проекте ЭППП по вектору Восток – Запад и активно инвестируя в сектор "мягкой инфраструктуры". Эта интеграция должна вовлечь и Афганистан, что может стать залогом решения его проблем переходного периода.

Однако, как хорошо известно, в рамках современного механизма принятия внешнеполитических решений в США возможность одобрения какого-либо варианта программы зависит не только от арифметического сложения позиций основных групп интересов или традиционных симпатий Госдепартамента, который при Трампе ослаблен жёстким давлением генералов из СНБ. В немалой степени эта возможность зависит и от соотношения сил и настроений в Конгрессе.

Если формально исходить из текущего преобладания республиканцев и присутствия в Белом доме Д. Трампа, то можно было бы предположить, что на центральноазиатском направлении безусловное преимущество получит предельно рациональная модель реалистов. Впрочем, если боевитым демократам удастся консолидировать Конгресс в этом вопросе на антитрамповской основе, то они смогут увеличить ассигнования на развитие многостороннего формата региональной интеграции (но не для НШП) и нарастить двухстороннюю по-

мощь до уровня, существовавшего при Обаме, особенно по статье "права человека и демократизация". Кстати, когда Тиллерсон, как настоящий реалист, попытался в мае 2017 г. заявить о необходимости снять вопрос "ценностей" с повестки дня, он тут же получил категорическое двухпартийное осуждение Конгресса, поскольку демократизация и права человека уже являются частью консенсуса в Вашингтоне и намертво интегрированы в доктринальные основы внешней политики США¹⁶.

Если говорить о конкретной ситуации в Конгрессе, то надо отметить, что в его профильных структурах картина неоднозначная. Так, сенатские комитеты пока полностью игнорируют проблемы центральноазиатской политики. Что касается Палаты представителей, то в период Дж. Буша-мл. там действовал подкомитет, работавший над проблемами Ближнего Востока и Центральной Азии, т.е. регион рассматривался в рамках доминировавшей в тот момент концепции "Большого Ближнего Востока". В последующих созывах Конгресса фокус зрения сместился, и сейчас проблемы Центральной Азии анализируются в одном контексте с Россией и Европой в рамках новой структуры – подкомитета по Европе, Евразии и возникающим угрозам, что свидетельствует об ином "евразийском" видении места Центральной Азии на американской политико-экономической карте мира*.

Данный подкомитет остаётся единственной структурой Конгресса, которая целенаправленно и активно работает по региону Центральная Азия. Сегодня в нём заседает восемь республиканцев и шесть демократов. Возглавляется подкомитет республиканцем Дейна Т. Рорабейкером и его заместителем Грегори Миксом.

Члены республиканской фракции подкомитета, как ни странно, в основном поддерживают своего достаточно радикально мыслящего руководителя, там нет принципиальных разногласий по вопросу о месте и роли Центральной Азии. Считается, что, во-первых, страны региона должны восприниматься не только с точки зрения действий США в Афганистане, но и в контексте политического, экономического и энергетического партнёрства как между собой, так и с Соединёнными Штатами (через инициативу "*C5+1*")¹⁷. Во-вторых, для развития региона и улучшения американо-центральноазиатских связей жизненно необходимо наладить диалог с Россией. Сотрудничество с Москвой важно, в том числе, и для решения проблем Афганистана, поскольку Рорабейкер

¹⁶ *Stronski P.* Uncertain continuity: Central Asia and the Trump administration. 27.06. 2017. Available at: <http://centralasiaprogram.org/blog/2017/07/26/uncertain-continuity-central-asia-and-the-trump-administration/> (accessed 30.07.2017).

* Кроме того, в 2008–2013 гг. вопросами Центральной Азии также косвенно занимался созданный при Конгрессе "Кокус друзей Казахстана", который и сегодня присутствует в списке официальных структур Конгресса. Однако фактически его работа остановилась ещё в 2014 г., а действующие конгрессмены (лишь 6 из 10 членов кокуса сохранили свои кресла) предпочитают не упоминать о своём месте среди "друзей Казахстана".

¹⁷ Opening remarks by Ranking Member Gregory W. Meeks. Subcommittee on Europe and Eurasia hearing «U.S. Engagement in Central Asia». U.S. House of Representatives. 24.06.2012. Available at: <http://archives.republicans.foreignaffairs.house.gov/112/HHRG-112-FA14-MState-M001137-20120724.pdf> (accessed 5.07.2017).

не верит в улучшение ситуации через диалог с Пакистаном и призывает прекратить выплачивать деньги "двуликому" Исламабаду¹⁸.

У демократов в подкомитете нет такого единства, хотя в целом можно очертить их общую точку зрения. Она во многом определяется тем, что они категорически отказываются делать ставку на Россию как на партнёра в деле защиты американских интересов в Центральной Азии, а предлагают США предпринимать более активные экономические и политические усилия в одностороннем порядке через инициативу Новый Шёлковый путь. Любопытно отметить, что демократы, в отличие от республиканцев, считают, что именно Пакистан – ключ к улучшению ситуации в Афганистане¹⁹.

В целом, подкомитет небольшим большинством может поддержать взаимодействие с Москвой по проблемам Центральной Азии, т.е. реалистскую модель, однако мотивы этого могут сильно разниться – от интересов американских корпораций до недопущения союза с Китаем. Поэтому, мнение подкомитета вряд ли сможет повлиять на большинство в Палате представителей, которое категорически не приемлет сближение с РФ по любым вопросам. Соответственно, скорее всего, консенсус будет найден на стыке неолиберальной и реалистской моделей, и, конечно, без пророссийского уклона Д. Рорабейкера.

Список литературы

Манкофф Дж. Политика США в Центральной Азии после 2014 года // Pro et Contra. 2013. Январь – апрель. С. 41-57.

Шенин С.Ю. Американо-российские отношения: "меню" для нового президента // США ✧ Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 12. С. 3-27.

References

Mankoff G., 2013. Politika SShA v Tsentral'noy Azii Posle 2014 Goda // [Mankoff G., 2013. U.S. Policy in Central Asia After 2014. Pro et Contra. January – April 2013. P. 41-57].

Shenin S.Yu., 2016. Amerikano-Rossiyskiye Otnosheniya: Menyu dlya Novogo Prezidenta [Shenin S.Yu., 2013. U.S.-Russian Relations: Menu for the New President // USA ✧ Canada Journal. 2016, No.2. P. 3-27].

Schwenninger S. Bush's globalized NATO // The Nation. 24.12. 2001. Vol. 273, N 21. P.27.

¹⁸ U.S. Secretary of State: White House Reviewing Policy Options on Pakistan // Radio Free Europe. 14.06. 2017. Available at: <https://www.rferl.org/a/u-s-pakistan-aid-reviewing-options-tillerson-rohrbacher/28553070.html> (accessed 3.07.2017)

¹⁹ Congressman Sherman Remains Top Democrat on Asia Subcommittee; Named to Subcommittee Dealing with Russia // Congressman Brad Sherman's official website. 24.01. 2017. Available at: <https://sherman.house.gov/media-center/press-releases/congressman-sherman-remains-top-democrat-on-asia-subcommittee-named-to> (accessed 8.07.2017).

Current Trends of the U.S. Policy Toward the Central Asia: Interest Groups and Consensus Prospects

(USA ❖ Canada Journal 2017, no 12, p. 76-95)

Received: 10.08.2017.

SHENIN Sergei Yurjevich, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russian Federation (shenins@yahoo.com).

The article analyses approaches in the Democratic and Republican parties of various interest groups toward the American policy to Central Asia on the current stage, as well as conditions in the Administration and Congress for forming a bipartisan consensus on the issue.

Keywords: *foreign policy of the U.S., Central Asia, Democratic party, Republican party, interest groups, neoliberals, progressives, realists, conservatives, Russia, China.*

About the author:

SHENIN Sergei Yurjevich, Doctor of Sciences (History), Professor.